

НЕСКУЧНОЕ
ЧТИВО

МЕСТЬ ДРЕВНЕГО БОГА

ДМИТРИЙ
ФЕДОТОВ

Нескучное чтение

Дмитрий Федотов

Месть древнего бога

«ВЕЧЕ»

2012

Федотов Д. С.

Месть древнего бога / Д. С. Федотов — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Нескучное чтение)

ISBN 978-5-4444-9199-7

Из краеведческого музея старинного сибирского города дерзко похищены предметы древнего языческого культа бога Тенгри, исчез научный сотрудник музея. Расследованием занялись два друга – журналист Котов и капитан криминальной милиции Ракитин. Но они представить себе не могли, с какой жуткой древней тайной им придется иметь дело!.. Роман известного писателя-сибиряка Дмитрия Федотова в 2010 году был удостоен сразу трех литературных премий, как лучшее историко-приключенческое произведение года, и несомненно будет приятным сюрпризом для всех любителей остросюжетного жанра!

ISBN 978-5-4444-9199-7

© Федотов Д. С., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дмитрий Станиславович Федотов

Месть древнего бога

«...Правительствующий Сенат приказали: по силе состоявшегося Ее Императорского Величества указа, быть по сему изыскателями ученым мужьям профессору Герарду Фридриху Миллеру и профессору Ивану Георгу Гмелину, иже с ними помощниками студентам Степану Крашенинникову, Петру Горланову и Семену Торопчину, а також рисовальщику Генриху Люсениусу и иным полезным людям, коими укрепить отряд сей надобно. Определить отряду сему довольствие провиантом, одежей да обувью, прочую же амуницию в должном количестве предоставить согласно реестру Академии наук для описания природы земли Сибирской, також народов и племен тамошних, кои интересны бысть обрядами да промыслами своими...»
из Указа Императрицы и Самодержицы Российской 19 августа 1733 года

Пролог

Западная Сибирь, сентябрь 1734 года

В год Огненного Тигра лето пришло необычайно жаркое и засушливое. Томан-елга¹ впервые за много лет обмелела настолько, что даже косули могли переходить ее вброд. Горные ручьи, что берут начало со снежников Алатау² и питают реку и ее притоки, совсем иссякли, и мелкая живность в тайге невольно потянулась со склонов в долины и распадки в надежде найти новые места водопоя. Но тайга – не джунгли. Здесь никогда не слыхали о «водяном перемирии». И для хищников – истинных хозяев чащобы – настало время кровавого пира.

Люди тоже не остались в стороне. Охотники днями пропадали в тайге, валялись от усталости, но каждый раз приносили богатую добычу. И все радовались: теперь запасов хватит до конца долгой зимы.

Но вот великая сушь пришла в тайгу. Немногие болота пересохли, превратились в гукающие под ногами тугие бубны. Стали еще более коварными – один неверный шаг, и можно провалиться в пещеру без дна с трухлявыми травяными стенками. Из такой уже не выбраться ни человеку, ни даже самому адыгу³ – хозяину тайги.

А вместе с засухой в тайгу пришел огонь. Этого чудовища боялись и люди, и звери. Он пожирал все, оставляя после себя пепел и смерть.

Напрасно старый колдун Арбанчак день и ночь жег болотную траву и перо глухаря – уговаривал айнов⁴ не убивать тайгу и назначить ясак.

Все тщетно. Видимо, снова придется сниматься шорцам и телеутам с обжитых мест и уходить к верховьям Томан-елги, а то и дальше.

Надеялись еще, что осенние дожди остановят пожары, напоят живой влагой болота и ручьи...

Куртегеш еще с вечера засел в удобной развилке огромного столетнего ильма, склонившегося над большой излучиной лесного ручья. Если набраться терпения, здесь можно подстрелить оленя или молодого кабана. На худой конец – зазевавшегося козана⁵. Не всё зверье откочевало на север, кое-что осталось, и у водопоя еще можно было надеяться на удачу.

Куртегеш вздохнул и сжал в кулаке саклагыч⁶ в виде головы волка, вырезанный из кедра – священного дерева его рода.

Тайга продолжала гореть. Хотя уже не так сильно, как летом. Но вот пришла осень, а дождей так и не было. Правда, Белый кам⁷ Салагай говорил, что знает, как остановить огонь. Еще дед его, Кучуяк, тоже Белый кам, однажды спас людей рода Кедроты от буйства айнов, обратившись к самому Тенгри – верховному владыке Верхнего Мира. А в ясак отдал ему свою младшую дочь Куйукчи. Тогда Тенгри усмирил разбушевавшихся айнов – наслал на тайгу проливные дожди, враз погасившие кровожадное пламя. И вот Кучуяк, умирая, якобы передал своему сыну священную бересту, где записано, как говорить с Тенгри, чтобы тот услышал...

¹ Томан-елга – Туманная река, древнее название реки Томь (тюрк.).

² Алатау – буквально: пестрые, разноцветные горы (тюрк.).

³ Адыг – медведь (шор.).

⁴ Айны – злые духи, управляющие Средним миром (тюрк.).

⁵ Козан – заяц (шор.).

⁶ Саклагыч – оберег в виде фигурки зверя или птицы, обычно являлся тотемом рода, духом-хранителем (тюрк.).

⁷ Кам – шаман, хранитель рода или целого племени (тюрк.).

Куртегеш принялся. Ветер с рассветом переменялся и теперь дул с полудня, отчего долину ручья постепенно затягивала гарь недалекого пожара. Куртегеш снова сжал саклагыч: если ветер останется, к ночи огонь может добраться и сюда. Тогда придется уходить ни с чем.

Эх, хоть бы у Салагая все получилось! Завтра ночь черной луны – Кара-кай – самое удобное время для камлания. Салагай ушел к урочищу Козыр-агаш еще затемно. С ним его сын Ашпа – лучший в роду следопыт. И ясак приготовлен настоящий – Тенгри понравится.

Выше по тропе послышался треск сучьев и шаги. Куртегеш затаился, медленно потянул из колчана длинную охотничью стрелу – не иначе молодой секач объявился. Но уже мгновение спустя охотник понял, что это не зверь: слишком шумно и беспечно двигался неизвестный сквозь лес. Похоже, и тропы-то не видел – пер наугад, надеясь выбраться из чащобы на более открытое место.

Так мог ходить только человек. И не шорец или телеут, даже не хакас, привыкший к степному раздолью. Так ходили по тайге только пришельцы с закатной стороны – ак-кулы – белорукие. Но что им здесь понадобилось? Отсюда очень далеко до их становища, что появилось на крутом берегу Томан-елги на месте старого торжища, еще когда отец Куртегеша был маленьким.

Шаги приближались. Стало ясно, что людей – трое. Причем один не белорукий! Куртегеш буквально слился со стволом ильма. И вот появился первый.

Да, это был телеут, не знакомый Куртегешу, но, несомненно, хорошо знающий эти места. Он ступал уверенно, и от него-то как раз шума не было. Кряхтели, сопели и ломали ветки двое белоруких. Оба молодые, не старше Куртегеша, одетые, конечно, не для похода по тайге, но явно для дальней дороги. Куртегеш уже видел такую одежду, когда приходил на торжище у Томан-елге прошлым летом. Никакого оружия у пришельцев Куртегеш не заметил, и значит, белорукие явились сюда не охотиться. Телеут куда-то вел их.

Куртегеш, подчиняясь скорее инстинкту, нежели голосу разума, тенью соскользнул с дерева и устремился за незванными гостями. А когда солнце коснулось далеких вершин Салтышыка, охотнику окончательно стало ясно, что белорукие идут напрямиком к урочищу Козыр-агаш.

Но зачем? Ни пришельцы, ни телеут не могли знать о священном месте людей из рода Кедр. Конечно, успокаивал себя Куртегеш, они просто идут в том направлении по каким-то своим делам. Может быть, ищут новое место для становища. А может быть, заблудились и теперь пытаются выйти на берег Томан-елги, по которой часто плавают белорукие на своих странных плоских лодках.

Но даже если это так, они все равно могут выйти к священному кедру и невольно помешать камланию Салагая. Куртегеш решил остановить белоруких, но вовремя вспомнил, что почти не знает их языка. Да и как поведут себя пришельцы, если на них из чащи выскочит вооруженный человек? Наверное, испугаются. Они и так боятся. Куртегеш буквально чувствовал их страх. Точнее, одного из белоруких – низенького и толстого. Куртегеш назвал его про себя Майнакчи – жирненький. Второй же, высокий и поджарый, сильно походил на самого Куртегеша, и охотник дал ему прозвище Тенеш – ровесник.

Так, мучаясь сомнениями, Куртегеш продолжал неслышно следовать за пришельцами. В конце концов, решил охотник, он просто будет следовать за ними и вмешается, только если его помощь действительно понадобится.

К середине дня белорукие, ведомые телеутом, добрались-таки до перевала. Они долго отдыхали в тени большого ильма, телеут куда-то уходил, потом вернулся и, улыбаясь, стал что-то оживленно рассказывать белоруким. Затем они двинулись дальше, но не с перевала, а в сторону, по узкому, постепенно расширяющемуся распадку.

И тут Куртегеш окончательно убедился, что проводник ведет белоруких в Козыр-агаш.

К вечеру пришельцы дошли до капища, но осмотрели его издалека, не приближаясь к Тенгри. Видимо, телеут предупредил белоруких, что бог не терпит иноземцев и лучше его не беспокоить. Все трое ушли на дальний край поляны и заняли старый одаг⁸, явно решив заночевать.

Куртегеш снова забеспокоился: наверняка белорукие захотят посмотреть на камлание Салагая, и тогда всякое может случиться. Но ведь и ему, простому охотнику, тоже нельзя присутствовать при разговоре кама с богом!

Дав себе слово быть начеку, Куртегеш удалился на противоположную от стоянки пришельцев сторону поляны и устроил ложе из веток под огромной старой березой. Долгий переход и волнение сделали свое дело, и охотник незаметно для себя уснул.

Он увидел Тенгри, шагающего через горы. Грозный бог Верхнего Мира вошел в долину Козыр-агаш и остановился возле священного кедра. Вдруг в кедр ударила молния, и дерево загорелось сразу от комля до верхушки. В ярком свете пламени Тенгри увидел замершего посреди капища охотника и громовым голосом крикнул: «Вот мой ясак! Отнесите его в мои чертоги!...» Верные слуги Тенгри – Небесный Пес и Огненный Коршун – сорвались с его плеч и ринулись к Куртегешу, скаля зубы и обнажая когти, и... охотник в ужасе проснулся.

Капище было освещено светом факелов и вспышками молний, раскаты грома живо напомнили Куртегешу голос Тенгри из сна. А у статуи бога явно что-то происходило. Предчувствуя недоброе, охотник бросился туда, позабыв о запретах, но сделать ничего не успел.

Он увидел Салагая и его сына, возившихся со связанным человеком в одежде степняка, и понял, что Белый кам действительно решился провести древний обряд умиротворения бога, что молитва пробуждения уже прочитана и теперь настало время принести жертву, а лучший ясак для умиротворения – сердце врага!

Отвлечшись никогда не виданным зрелищем, Куртегеш пропустил появление в круге капища белорукого. Трусливый Майнакчи шел, не таясь, прямо к жертвенному камню, и все дальнейшее произошло очень быстро.

Майнакчи громко закричал и вскинул вверх зажатую в руках короткую железную палку с приделанным к ней куском дерева. Из палки вырвалось вдруг желтое пламя, и раздался короткий резкий гром. Ашпа, опомнившись, выхватил нож и закрыл собой отца. Но тут в круг ворвался второй белорукий с такой же грохочущей палкой, пленник сбил Салагая с ног, Ашпа тоже упал, и они оба, явно сильно напуганные, бросились бежать. А белорукие, подобрав степняка, поспешили в другую сторону.

Куртегеш так и не смог двинуться с места, пораженный случившимся. Он понял только одно: разбуженный Тенгри не получил ясак и, конечно, теперь разгневается. Обряд обязательно должен быть закончен, иначе всех причастных к нему ждет страшное возмездие. Белорукие, понятно, об этом не знают, но это их не спасет.

«Надо быстрее найти Салагая и Ашпу, – решил наконец Куртегеш. – Пусть Белый кам выскажет свою волю, и я выполню ее!...»

⁸ Одаг – временное жилище у шорцев в виде усеченной пирамиды, изготовлялось обычно из ветвей и коры.

Глава 1

Западная Сибирь. Томск

20 июня 20... года

Говорят, что раз в пять лет надо что-либо менять в жизни – или работу, или дом, или жену.

После развода минуло аккурат пять лет. А нынче в моей успешной медицинской карьере все пошло наперекосяк. Я всерьез увлекся пару лет назад так называемой альтернативной медициной и начал потихоньку использовать ее в своей врачебной практике. Но поскольку работал я в официальном лечебном учреждении, прочно стоявшим на постулатах традиционной, то есть аллопатической, медицины, про мои «сомнительные» методы вскоре было доложено начальству. И хотя пользовался я разрешенными «нетрадиционными» методами, вердикт о моей нелояльности был вынесен.

А чуть позже началось медленное выдавливание доктора Котова из коллектива больницы – типичный прессинг, характерный для всякого профессионального сообщества, когда неугодного или просто неудобного сотрудника начинают оттирать, задвигать, лишать возможностей, вынуждая в конце концов подать заявление «по собственному желанию».

Ну, я и подал. Заявление тут же подписали, и доктора Котова не стало.

Зато буквально через месяц в еженедельнике «Городской вестник» появился новый сотрудник отдела новостей – корреспондент Дмитрий Алексеевич Котов, ваш покорный слуга.

Свой первый рабочий день на новом месте я решил начать образцово, поэтому явился в редакцию ровно без пяти минут девять.

Надо сказать, что в «Вестнике» я бывал неоднократно еще в качестве «доктора», «волшебника из больницы», «народного целителя» и прочая. В ту пору обо мне частенько писали и, как сказал наш известный сатирик, популярность моя росла, а успех падал. В конечном счете именно эти интервью и репортажи сыграли не последнюю роль в крахе моей медицинской карьеры. Но не в моем характере было сожалеть о случившемся. Все, что ни делается, – к лучшему. Эту мысль я давно сделал своим жизненным кредо.

Войдя в прохладный холл здания, где на втором этаже угнездилась бравая команда самой популярной газеты в области, я приветливо поздоровался со знакомым вахтером Флегмонычем и предъявил новенький пропуск.

– А ты к кому это в такую рань, Лексеич? – нахмурился тот.

Флегмонычем его прозвали сами же языкастые журналисты, после того как всплыла история его чудесного исцеления от тяжелейшего флегмонозного аппендицита. Вообще-то вахтера звали Иван Флегонтович Коротких. Наполовину хант, на другую половину то ли русский, то ли поляк, он имел в результате типичную сибирскую внешность – круглое лицо, широкие скулы, слегка раскосые зеленоватые глаза, кряжистая фигура. Бывший лесной пожарник, три года назад он был уволен со службы по ранению – рухнувшее подгорелое дерево сломало ему ногу. А в прошлом году Иван Флегонтович едва не помер от острого аппендицита. Но вылечили его отнюдь не хирурги, а доктор Котов. Причем безо всякого ножа, одними лишь народными средствами. Впрочем, сей факт так и не был признан медицинскими чиновниками, а исцеление объяснили ошибкой в диагнозе, мол, то был не аппендицит, а всего лишь острый энтероколит.

Но бывший пожарник с тех пор проникся к доктору Котову глубочайшим уважением и пропускал во вверенное ему здание без дурацких формальностей. Тем более мне был непонятен теперь его вопрос.

– Ты что, Иван Флегонтыч, али не признал?

– Так ведь никого же нету в редакции, – все еще хмурясь, сообщил вахтер.

– Работаю я здесь теперь! – бодро заявил я.

Но Флегонтыч явно не разделял моего оптимизма.

– Нормальные люди так рано на работу не ходят.

Пришлось предъявить кроме пропуска еще и журналистское удостоверение.

– Излишняя бдительность иногда вредит здоровью, – произнес я загадочно и потопал на второй этаж.

Мои новые коллеги и старые знакомые в одном лице действительно появились примерно через час. К их появлению я успел вскипятить чайник и наделать горку бутербродов из принесенных с собой сыра и ветчины – «проставился», так сказать.

Первым в комнату ввалился вечно встрепанный и нескладный Женя Перестукин. Поздоровавшись, он несколько секунд изучал мое кулинарное творение на чайном столике, потом изрек:

– Пища уготована для тела, амброзия же укрепляет дух! Но ее-то я как раз не вижу...

– И не стыдно вам, сэръ, смущать разум этого юноши? – раздался от двери исполненный сарказма голос.

Я оглянулся и сказал:

– Приветствую вас, благородный дон, в стенах сего мирского заведенья!

Федя Маслов, виртуоз диафрагмы и мастер видеоискателя, а попросту – ведущий оператор и фотограф редакции, аккуратно повесил на плечики свой стильный кожаный пиджак и спрятал его в шкаф. Впрочем, все звали Маслова не иначе как Дон Теодор, за болезненное пристрастие к изысканности и утонченности буквально во всем – и в быту, и в работе. Мне же Федор напоминал знаменитого Кристобаля Хунту из романа Стругацких – такой же лошениый, подтянутый и чуть надменный в обращении, будь то ответственный за выпуск или сам главный редактор.

– А вас, Дмитрий, кажется, можно поздравить?

– С чем же?

– Вы с сегодняшнего дня причастны к великой тайне!

– Неужели?!

– Именно! Вы из большинства, что следует истории, превратились в одного из вершителей ее.

Дон Теодор принял позу римского сенатора и с пафосом продолжал:

– Я не оговорился. Именно мы, газетчики, делаем историю! Не зря нас называют «четвертой властью». Это мы повергаем кумиров и возводим на пьедестал! Это мы вершим революции и предвидим будущее! Это мы...

– ...трепачи и пустомели, которых давно надо выгнать на поля – пахать и сеять! – звонко и весело раздалось в комнате.

Мы втроем дружно повернулись на голос, заранее улыбаясь, потому что к нам пришло «солнышко». Светлана Геннадьевна Полонская, редактор отдела, была обаятельнейшей женщиной. О ее возрасте в редакции ходили легенды, но никто точно не знал в действительности, сколько ей лет. Мне лично было все равно, потому что я всегда твердо придерживался мнения: женщине столько лет, на сколько она выглядит. Светлана же выглядела изумительно: невысокая, с фигуркой гимнастки и при этом с полноразмерным набором женских прелестей. Короткая стрижка и ясный взгляд фисташковых глаз из-под огненно-рыжей челки довершали образ веселого и доброго Солнышка. И самое главное, Светлана такой и была!

Федор, как всегда, смешался при ее появлении и принялся с озабоченным видом копаться в своем столе. А Женья, тоже как всегда, замер с полуоткрытым ртом, забыв, что хотел сказать.

– Здравствуй, Светик, – улыбнулся я и придвинул ей стул. – Присаживайся, отметим мое вступление в ряды тайных агентов «четвертой власти».

– О! Да тут целый день пировать можно, – оценила Светлана мою сервировку. – И когда же ты успел?

– Просто я пришел... пораньше.

– Ага, – она лукаво стрельнула теплым взглядом, – выполняем трудовое законодательство?

– Я подозревал, что он скрытый штрейкбрехер, – проворчал из своего угла Дон Теодор. – И я оказался прав!

– А вот и нет! Димочка пожертвовал личным временем, чтобы угостить нас замечательным завтраком, – тоном мудрой воспитательницы осадила его Светлана и взяла самый толстый бутерброд. – А тебе, Феденька, следовало бы брать с Димочки пример.

Дон Теодор густо покраснел – то ли от смущения, то ли от обиды – и извлек из своей тумбочки банку клубничного джема. Молча подошел к столику и водрузил банку в самый центр, предварительно сняв крышку. Также молча он вернулся на место и продолжил копаться в столе.

– Клубничный джем – моя слабость, – заявил вдруг вышедший из ступора Перестукин и присоединился к нам со своей чашкой.

Но попить власти мы не успели. У Светланы на столе запиликал телефон, и она вынуждена была прервать трапезу.

– Это тебя, – выслушав, протянула мне трубку. – Шеф.

Я поспешно вскочил. Шеф, то есть мой непосредственный начальник, заведующий отделом новостей Григорий Ефимович Разумовский, он же Колобок, был человеком быстрым и скорым на выводы. Людей Григорий Ефимович оценивал исключительно по их способности реагировать на «внешние раздражители», как он выражался. У него самого эта скорость была близка к световой. Что совсем не вязалось с его комплекцией, за которую он и получил свое забавное прозвище. Шеф действительно не ходил и не бегал, он катался. Точнее, перемещался на своих коротких ножках настолько стремительно, что частенько не вписывался в крутые повороты редакционных помещений, заставленных столами и шкафами, и порой бывал причиной местных катаклизмов, обрушивая полки с разложенными бумагами и сметая со столов рукописи и корректуры.

– Слушаю, Григорий Ефимович, – схватил я трубку.

– Где вас носит, Котов? – сварливо осведомился Колобок. – Вам что, особое приглашение нужно? Я же сказал вам в пятницу: чтобы с утра были у меня в кабинете!

– Елы-палы! – только и смог выговорить я и выскочил из комнаты.

Разумовский действительно в пятницу, подписывая мое заявление, буркнул что-то типа «жду вас в понедельник», но я счел фразу чисто фигуральной.

– Вот что, Дмитрий Алексеевич, – сказал он, изучая мою смущенную физиономию, – я понимаю, что в медицине крайне важно все тщательно обдумывать и взвешивать, и торопливость зачастую может выйти боком не только пациенту, но у нас здесь – отдел новостей. А новость, она только тогда новость, когда свежая, с пылу с жару, прямиком с места своего рождения. И в этом случае скорость реакции на нее репортера имеет огромное значение!

– Совершенно с вами согласен, – поддакнул я, чтобы не выглядеть уж полным идиотом.

– Очень хорошо. Но с другой стороны, случаются события, требующие тщательной проверки, перепроверки, наконец более детального изучения, прежде чем о них следует сообщать читателю. Но и здесь мы не должны пускать на самотек! Поэтому от расторопности и скоро-

сти мышления изучающего материал журналиста зависит, насколько быстро и во всей полноте событие будет донесено до потребителя.

– Весьма тонкое наблюдение, – ляпнул я и тут же прикусил язык.

Колобок несколько секунд пристально вглядывался мне в глаза, затем, видимо решив, что я сказал от чистого сердца, неожиданно продолжил:

– Поручаю вам первое задание. Надеюсь, вы уже слышали об ограблении в краеведческом музее?

– Да, – соврал я, не моргнув глазом.

– Очень хорошо. Так вот, это как раз тот самый случай, когда одного факта мало. «Ну, ограбление, ну, музея – и что?» – скажет наш придирчивый читатель. И будет прав! Ограбление – это не новость, это не пища для ума. Интерес представляют обстоятельства дела, участники события, мнения разных сторон.

Колобок сделал многозначительную паузу.

– Да-да, конечно, – поспешно отреагировал я, надеясь, что правильно.

– Вот вы и займитесь этим, – заключил шеф.

– То есть как?

– Буквально. Разберитесь: кто, каким образом, с какой целью... Не мне же вас учить!

Разумовский снова пристально уставился на меня, словно взвешивая мои кондиции, и я, сделав решительное лицо, поспешил ретироваться из начальственного кабинета.

Вернувшись в редакцию, я налил себе полную чашку уже остывшего чая и залпом выпил. Потом в три приема сжевал бутерброд и снова наполнил чашку. В комнате присутствовал лишь Дон Теодор и наблюдал за моими действиями с видимым интересом. Когда я принялся за второй бутерброд, Федя глубокомысленно изрек:

– Заедание стрессов калорийной пищей ведет к ожирению.

– Наедаюсь впрок, – пояснил я. – Как верблюду.

– Вообще-то они пьют впрок, а не едят. Наедаются хищники. Потому что не знают, когда им в следующий раз улыбнется удача на охоте.

– Грамотный, да?

– Образованный. Я так понимаю, тебе дали задание. И не из легких.

– Кошмар!

– А поконкретнее?

– Ограбили краеведческий музей. И мне надо разобраться, что да как.

– Ага. Независимое журналистское расследование.

– Тьфу на тебя!

– Как минимум, колонка в «уголовке». А это – тысячи три знаков. Не хило! – заключил Дон Теодор. – Если понадобится моя помощь, звони, – он перебросил мне свою визитку.

– Я даже не знаю, с чего начать! – возопил я в отчаянии.

– Спокойно, сэр, эмоции вредны. Особенно в таком деле, как независимое расследование.

– Да я ж не смогу...

– Сможешь. Начни... – как это у вас, медиков?.. – собирать анамнез. То есть пойдешь в музей и покрутись там, расспроси людей, поговори со следователем.

– Спасибо, Федор. – Я искренне пожал ему руку. – Ты вселил в меня надежду – аналогия удачная.

Рассовав по карманам казенный диктофон, блокнот, визитки и пару бутербродов, я покинул редакцию.

Летний день уже разгулялся вовсю, но жары не обещал. Солнце лишь выглядывало в просветы кучерявых облаков, разливая по улицам приятное тепло. До музея я решил добираться пешком, чтобы собраться с мыслями и настроиться на нужный лад. Полчаса по освеженным

ночным дождем улицам, под сенью тополей и кленов – это куда приятнее, чем тряска в переполненной «маршрутке» или медленная езда в сонном, как улитка, троллейбусе.

Богатое воображение рисовало мне картины одну заманчивей другой. Мне виделось, как я крадусь под покровом ночи к тайному убежищу грабителей, бесшумно снимаю стоящего «на стреме» громилу и, завладев его огромным пистолетом, беру в плен остальную банду, ошеломленную моим внезапным появлением. Или наоборот, я путем хитрых вопросов заставляю проговориться главного подозреваемого – директора музея, а он, поняв, что попался, пытается от меня откупиться и выкладывает целый кейс «евриков», но я неподкупен, гордо отвергаю гнусное предложение и сдаю мерзавца и его подельников в руки подросшей опергруппы. Блицы, крики «ура!», занавес.

Я очнулся перед самым входом в музей. Когда живешь всю жизнь в относительно небольшом городе, ходить по нему можно даже с закрытыми глазами, а уж на «автопилоте», думая о чем-нибудь приятном и отвлеченном, – запросто. А город наш, хоть и достаточно древний – четыреста лет, не кот чихнул! – топографически вовсе не представляет собой чего-то сложного. Говорят, любой, самый захудалый городишко где-нибудь в Средней Азии или у арабов невозможно пройти без проводника – настолько запутаны там улочки и переулки. А в наших городах, особенно в сибирских, где пространства хоть отбавляй, ни к чему сложности и путаницы. Один раз прошел и запомнил без труда.

Театр, как известно, начинается с вешалки. Музеи в этом смысле не оригинальны, но наш краеведческий все же начался с бдительного дежурного смотрителя.

– Музей закрыт!

Сухонький суровый старичок в вылинявшем кителе советского образца храбро загородил мне дорогу. Седые кустистые брови для пущей важности съехались к вздернутому носу-пуговке, а такие же белые усы, слегка потравленные по концам никотином, встопорщились не хуже тигриных.

– Так это же хорошо, отец! – жизнерадостно воскликнул я, протягивая руку. – Дмитрий Котов, журналист из «Вестника».

– Журналист? – прищурился дед, однако руку подал. Пожатие оказалось на удивление крепким. – А ну, покажь удостоверение!

Я продемонстрировал, не без гордости, новенькие хрустящие «корочки» с золотым тиснением «Еженедельная газета „Городской вестник“». Дедок внимательно изучил мое фото, сличил с оригиналом, пожевал губами и заключил:

– Новенький.

– Ага, первое задание, – решил я не скрывать своей неопытности.

– И что же это за задание?

– Так ограбили же музей! Вот я и пришел разузнать, что да как?

– А уже были вчерась тут двое, из «Ведомостей», – развел руками дед. – Все записали...

– Все да не все, – не сдавался я. – И потом, с кем они говорили?

– С начальством, конечно.

– Вот! А я, наоборот, с вами хочу поговорить. Вы-то наверняка много чего знаете, что и начальству неведомо?

– Вестимо! – улыбнулся наконец дедок. – Нам, зрителям, намного виднее, что где делается, да кто куда ходит, на что смотрит... На то мы и зрители!

– Вот и хорошо! – искренне обрадовался я. – Давайте где-нибудь присядем и поговорим. Как вас по имени-отчеству?

– Петр Силантьевич...

– Замечательно. Ну а меня все-таки Дмитрием называйте – не люблю я по отчеству.

– А зря! – дед посмотрел на меня укоризненно. – Отчество – это же память отцовская. Кто тебя породил, уму-разуму учил, в люди выводил?.. Раньше-то и фамилия была по отцову

имени: Иван Михайлов сын – Иван Михайлов! Так правильно. А нынче напридумывали себе – Милорадов, Благолепный, Алмазов, Воплощанский... Тьфу! Ровно цирк какой или семинария.

– А ваша фамилия как?

– Шишкин я...

– Ну, вот видите...

– Так я же и говорю, чего попало навывдумывали!

– Ладно, Петр Силантьевич, – примирительно сказал я, стараясь вернуть разговор в нужное русло, – фамилию, как и родителей, не выбирают. Вы лучше расскажите мне, что тут за ограбление случилось?

– А! Аккурат вчерась и произошло. – Дед поманил меня за собой и шустро заковылял вверх по широкой каменной лестнице, истертой поколениями посетителей еще в ту пору, когда в здании размещались музыкальная и художественная школы, плюс концертный зал.

Мы вошли в распахнутые высоченные двери с лепниной и позолотой и сразу наткнулись на большой яркий стенд с надписью кириллической вязью «Региональная выставка „История Сибирского края до эпохи присоединения, X–XVI вв.“».

– Надо же, – не удержался я, – никогда не думал, что кто-то всерьез интересуется такой древностью.

– А это ты с нашими учеными обсуди. Они тебе все в подробностях обскажут, – пояснил дед. – Я же могу место показать, да кое-что для пользы дела отметить, чего милиция не обратила.

– Тут и милиция побывала?

– А то! Небось, экспонаты есть очень даже ценные.

– А тот, что украли?

– Не «тот», а «те». Три вещи сразу пропали. Вот, смотри сюда! – Дед ткнул корявым пальцем в витрину, огороженную желтой лентой на стойках и с надписью «Управление криминальной милиции». Витрина оказалась пустой. А на табличке над ней значилось: «Комплект культовых предметов. Кузнецкий Алатау. Приблизительно конец XII – начало XIV века».

– И что же здесь было? – обескураженно поинтересовался я.

– Какой-то свиток и две фигурки этих... идолов языкастых.

– Языческих... А что, витрина не под сигнализацией?

– Под ней. – Дед вздохнул. – А что толку?

– Отключили? – догадался я.

– Как пить дать! А все этот, чернявый!..

– Какой еще чернявый?

– Да крутился намедни один – вылитый остяк⁹! – Дед даже кулаки сжал в негодовании. – Выучили на свою голову, – невпопад брякнул он.

– Кого выучили? – Я был совсем сбит с толку. – Что за остяк?

– Пошли, – решительно потянул меня дед за рукав, – все равно без рюмки чаю не разберешься.

– Нет, Петр Силантьевич, не могу, – уперся я. – Мне же еще к вашему директору идти.

– К нему и под мухой можно, – хихикнул вдруг дед. – Ладно, слушай. Выставку эту открыли в прошлую среду. А на следующий же день появился этот... остяк. Я-то на него сперва не подумал: ну, ходит себе человек, интересуется, изучает. Так он и в пятницу приперся. И все в энтот вот зале крутился, возле витрины. Встанет перед ней, глаза закроет, руки вот этак сложит и шепчет чего-то. Будто молится. А на что там молиться?

– На идолов, например, – кивнул я.

Шишкин как-то дико посмотрел на меня, шмыгнув носом и продолжил:

⁹ Остяками в Сибири называют коренных жителей в пойме реки Оби и ее притоков.

– В общем, его толкнет кто-нибудь, он отойдет. Потом опять – шашь к витрине, и снова шепчет. Ну, я наконец не выдержал и строго так ему сказал, мол, нечего тут посетителей смущать. Он и ушел.

– А почему вы решили, что украл именно этот... остяк?

– Так ведь больше некому! – Дед хитро оглянулся по сторонам. – А сыскарям я про него ничего не сказал.

– Почему?

– Пушай побегают, – он мстительно усмехнулся.

Я только крикнул на этот пассаж. Похоже, у Петра Силантьевича с милицией свои счеты, и давние. Я попросил смотрителя показать мне кабинет директора и направился к нему по коридору, когда неожиданно из боковой двери прямо на меня выскочил высокий парень в синем рабочем халате. Едва увернувшись от столкновения, я поймал парня за рукав:

– Смотреть надо, куда летишь!

– Извините! – Молодой человек зарделся, как девица, и сложил руки перед собой в традиционном мусульманском приветствии. – Сарыгин Ильдар Файзуллович, научный сотрудник музея.

– Котов Дмитрий Алексеевич, журналист из «Вестника».

– Еще раз прошу прощения. Чем могу быть полезен?

– Я собираю материал по вчерашнему ограблению...

– А-а, вряд ли я обладаю ценными сведениями, – Сарыгин замялся, и я понял, что он врет. – К тому же я все еще вчера рассказал господам из криминальной милиции.

– Я не из криминальной милиции, поэтому не слышал вашего рассказа. Вы можете мне его повторить?

– Боюсь, что не располагаю для этого достаточным временем...

Я пристально посмотрел в его черные глаза и вдруг понял, что парень просто напуган. Страх буквально плескался в его расширенных зрачках. «Вот так-так! – подумал я, слегка растерявшись. – Кто же это тебя? Неужели таинственный остяк?»

– Что ж, надеюсь, мы еще увидимся и побеседуем... когда у вас появится время?

– Непременно. Прошу меня извинить, я очень спешу! – И загадочный научный сотрудник исчез за поворотом коридора.

Пожав плечами, я отправился к директору. По счастью, он оказался на месте. Вернее, она.

Навстречу мне из глубокого кожаного кресла протянула руку для приветствия элегантная дама в строгом деловом костюме в тонкую светло-серую полоску. Смуглую кожу изящно подчеркивала белоснежная шелковая блузка с широким отложным воротником, открывавшим стройную шею и золотой кулон в виде головы какого-то зверя на почти неразличимой цепочке. Немного тяжеловатая грудь отнюдь не портила фигуру этой женщины, наоборот, подчеркивая ее привлекательность, как и толстая, полураспушенная коса густых темно-русых волос, сбегаящая по правому плечу. Короче, передо мной была классическая сибирская полукровка, от которых я всегда тащился – иначе не скажешь.

Ореховые с желтой искрой глаза, как у рыси, чуть насмешливо рассматривали меня, прекрасно уловив мое замешательство. Видимо, оценив мою спортивную, поджарую фигуру и не лишенное следов интеллекта лицо, хозяйка кабинета сочла возможным пообщаться. Мило улыбнувшись, произнесла глубоким контральто:

– Добрый день, я директор краеведческого музея Мария Сергеевна Черных.

Я осторожно пожал протянутую узкую ладонь:

– Дмитрий Алексеевич Котов, журналист из «Городского вестника».

– Очень приятно. Присаживайтесь. Что вас привело к нам?

– Думаю, вы уже догадались, – произнес я с таинственной интонацией.

– Допустим, – она явно не приняла игру. – И все же, что вас интересует? Вчера здесь уже побывали ваши коллеги...

– Мы – конкуренты, – я решил зайти с другого конца. (Ну не мог я упустить такой шанс и не попробовать охмурить такую роскошную женщину!) – Я надеюсь, вы поделитесь со мной тем, что не поведали им.

– Это еще почему?

– Потому что я – обаятельный. – Я улыбнулся ей своей самой обезоруживающей улыбкой, и строгая дама повелась!

Впрочем, может быть, ей и самой этого хотелось. Я не стал обольщаться насчет собственной неотразимости. Главное, необходимый контакт – раппорт, как говорят психологи – был налажен.

– Ну, хорошо, – она томно опустила глаза. – Что бы вы хотели услышать?

– Захватывающую историю об ограблении века! Похищены огромные ценности, извлеченные отважными археологами из древнего кургана!.. Нет, похищен древний амулет легендарного сибирского шамана, обладающий мистической силой, способной управлять духами природы!..

– Откуда вам известно про амулет? – Директриса подозрительно посмотрела на меня.

– Я угадал?! Здорово!

– Нет, в самом деле... Вам кто-то рассказал?

– Ваш бдительный смотритель показал мне пустую витрину и сообщил, что именно было украдено. Даже назвал подозреваемого.

– Интересно, – хмыкнула Черных. – А вчера при милиции молчал как рыба!

– Бог с ним, Мария Сергеевна. Или... можно просто – Мария?

– Хорошо, – она улыбнулась и стала совершенно неотразимой. Для меня. – Так вот, Дмитрий. Украдены действительно ценные вещи. Но ценны они лишь для специалистов...

– ... или коллекционеров.

– Это почти одно и то же. Следовательно, кража не случайна.

– А что же конкретно собой представляют эти... раритеты?

– Первый, и самый важный, берестяная книга, вернее, свиток с текстом одного древнего заклинания, обращенного к богу Тенгри. Это верховное божество у многих коренных народов Сибири. Он управляет так называемым Средним миром, то есть Землей. Здесь ему подвластно все – от сил природы до последней букашки. Но согласно тем же легендам, Тенгри обычно спит. Не буквально конечно. Ну, он просто ни во что не вмешивается...

– Идеальный правитель!..

– Что-то вроде. А вместо него в Среднем мире хозяйничают его подчиненные: различные духи – айны, кадыги – и прочие нематериальные создания. И только когда необходимо вмешательство высшей власти, Тенгри пробуждается и посылает разобраться в ситуации своих ближайших помощников – Огненного Коршуна и Небесного Пса...

– Занимательно. А как Тенгри узнает о необходимости своего вмешательства?

– Об этом ему могут сообщить камы – шаманы, во время ритуального танца и молитвы. Но чтобы разбудить Тенгри, требуется особое камлание, с жертвоприношением. – Мария вдруг замолчала и, мне показалось, о чем-то задумалась. Я не встретил, ожидая продолжения. – Да, так вот, – снова заговорила она своим неподражаемым контральто, – на украденной бересте, похоже, был записан текст этой... молитвы. А вместе с ней пропали и ритуальные фигурки коршуна и собаки.

– То есть вы хотите сказать, что кому-то понадобился полный комплект для проведения древнего ритуала?

– Ну, для проведения одного текста и фигурок мало! Камлание должно проводиться не абы где, а в священном месте, да при черной луне...

– В новолуние...

– Ну да. – Мария устало провела ладонью по лбу. – Только, думаю, все гораздо прозаичнее.

– В каком смысле?

– Комплект заказал какой-то коллекционер.

– И у вас уже есть подозреваемый?

– Я... не хотела бы оговаривать человека без веских доказательств.

Она прямо посмотрела мне в глаза и положила свою теплую ладошку поверх моей, лежавшей на столе. Я понял, что раппорт больше не понадобится. Надо же! Вот уж воистину не знаешь, где найдешь где потеряешь. От ее ладони исходило не просто тепло – долго скрываемое желание истосковавшейся по заботе и ласке женщины. И одновременно чуть подрагивающие пальцы выдавали накопившееся сомнение в душе этой незаурядной и красивой женщины. Кто-то когда-то, наверное, сильно разочаровал ее в самых чистых и глубоких чувствах...

– Тогда я сам вычислю этого заказчика, – внезапно охрипшим голосом заявил я.

– Не сомневаюсь в ваших способностях, Дмитрий. – Мария слегка сжала мою руку. – Но вот вам еще одна зацепка, о которой не знают... конкуренты. Похоже, что пропал один мой сотрудник.

– Почему «похоже»?

– Потому что я не знаю этого наверняка. Его зовут Антон Урманов. Он должен был выйти сегодня на работу.

– Приболел?.. Перепил?..

– Его телефон не отвечает.

– Уехал срочно куда-нибудь?

– Антон очень дисциплинирован и... немного влюблен в меня. Он бы обязательно предупредил об отъезде.

– А милиция о нем знает?

– Нет. Ведь они были здесь вчера. Антон тоже был на работе. Выставка как раз по теме его диссертации.

– И его найдем тоже! – бодро пообещал я. – А вы знаете, у меня уже есть версия!

– Вот как? Интересно!

– Да. Поскольку вы ставите под сомнение причастность к преступлению коллекционера, могу предложить такой вариант. О раритетах узнали адепты древнего культа Тенгри! Скорее всего, они давно разыскивали их, и – вот удача! – обнаружили на выставке, почти не охраняемой. Для верности один из них посетил выставку, чтобы убедиться, что предметы на месте и разведать подходы к ним. А потом под покровом ночи адепты проникли в музей и забрали бесценные вещи!

– Зачем?

– Ну, чтобы совершить... возродить древний обряд.

– С какой целью? – Мария посмотрела на меня чуть насмешливо, как учительница на активного, но не слишком сообразительного ученика.

– То есть? – я невольно стушевался.

– Дело в том, Дмитрий, что обряды – особенно подобные пробуждению божества – не совершаются просто так. Для этого нужны очень веские причины! Нечто, из ряда вон выходящее. Потому что последствия неправильного решения или – хуже – *незавершение* такого обряда могут иметь катастрофические последствия и для непосредственных виновников, и для совершенно посторонних людей.

– Неужели все так серьезно?

– Вы даже не представляете, насколько!

– Значит, моя версия не годится?

– Думаю, что она маловероятна.

– Ладно. Подумаем о другой. – Я вдруг обнаружил, что в течение всего разговора держал Марию за руку. Теперь же пришлось делать над собой усилие, выдавливая слова: – А сейчас, с вашего разрешения, я откланяюсь.

Как же мне не хотелось отпустить ее руку! Марии, видимо, тоже. Несколько секунд мы беззвучно боролись со своими желаниями, наконец служебный долг пересилил, и я поднялся.

– Всего хорошего. Надеюсь, в скором времени увидимся?

– Обязательно, Дмитрий, до свидания.

Улыбка у нее была грустной и какой-то растерянной. А вот обручального кольца на руке не было!

У меня же напротив радужное настроение так и перло изо всех дыр. Проскакав по лестнице через три ступеньки и хлопнув по спине на ходу закемарившего у входа деда Шишкина, я пулей вылетел из музея и помчался на троллейбусную остановку. Бегом бежать до управления криминальной милиции, куда я нацелился, было как-то несолидно, а идти пешком – долго.

«Сохатый» подкатил буквально через минуту, и я понял, что оседлал волну – так я называл это особое состояние, когда подсознание начинает просчитывать каждый шаг и поступок и возникает обалденное чувство стопроцентного везения. Все желания сбываются, дела делаются на один чих, и при этом ни капли не устаешь!

Сегодня был определенно мой день. Пока троллейбус не спеша нес мое тело к управлению, разум совершил все необходимые выкладки и выдал схему расследуемого преступления, которую я тут же зарисовал в блокнот. Теперь мне было о чем поговорить со своим давним школьным другом, а ныне – капитаном криминальной милиции и лучшим сыщиком области Олегом Ракитиным.

«Памятная тетрадь № 3. Писано Степаном Крашенинниковым, адъюнктом натуральной истории и ботаники Е. И. В. Академии наук. Ноябрь 1745 года Р. Х.»:

12 сентября 1734 года

...Третий день идем на стругах¹⁰ по Томе. Это воистину необычная река! Она берет свое начало в горах, но течение ее неспешно и раздумчиво, будто у какой равнинной реки в Московии.

Мой приятель и помощник Семен Торопчин все время торчит на носу, азартно вертит своей круглой лохматой головой и поминутно вскрикивает – от восхищения должно быть.

Да, тут есть чему любоваться. Природа сего края весьма отличная от российских пажитей, столь привычных глазу. Чувствуется какая-то первобытная могучесть и несокрушимость что в реке, что в деревьях, произрастающих по обоим берегам Томы, да и в людях, которых зовут здесь шорцами.

Эти кузнецкие татары – премного интересный народ! Из истории края известно, что, когда на Тому пришли царевы люди с казаками остроги ставить, эти лесные, почти дикие насельники на поверку оказались не только искусными в охоте и прочих промыслах, но и знатными кузнецами, пользующимися даже не медь, но рудное железо!..

Супротив им в тех же горах проживают некие телеуты, лицом и статью схожие с татарами, однако владеющие куда меньшим знанием и способные больше к грубому домашнему труду, скотоводству и звериному промыслу. Справедливости ради надобно отметить, что эти самые телеуты – искусные следопыты, понятливы и незлобивы...

¹⁰ Струг – длинная плоскодонная лодка на веслах, иногда под парусом, использовалась вплоть до XIX века в речной навигации.

На прошлой седмице, когда наша партия прибыла в Кузнецк, я был поражен не меньше уважаемых наших академиков. Городок расположен в излучине Тома на месте древнего торговища Сибирского ханства, сокрушенного воровским казаком Германом Тимофеевым, прозванным Ермаком. Против ожидания мы узрели не только большой торговый город, но и город ремесленный. Достаточно помянуть Кузнецкую слободу, что тянется вдоль южной окраины поселения аж на полверсты, и всё там – кузницы да плавильни основательные! И дело вершат там не одни люди русские, но больше местные, из татар.

Семен, правда, сказал на это, мол, просто учатся те татары быстро, но сами ничего сотворить не способны, а лишь ведомые и наставляемые мастерами нашими, российскими.

Однако ж академик Гмелин, услышав подобные речи, немедля сделал строгое замечание Семену о невозбранности скороспелых выводов и поручил ему закупить топлива для речного похода.

А дело в том, что еще в Усть-Каменогорской крепости господа академики, Иван Георгиевич Гмелин и Герард Фридрихович Миллер, сговорились в целях наиболее полного описания кузнецких и абаканских земель, разделить партию. Господин Миллер, по уверениям его секретаря, весьма не охоч был до водных пространств, и посему предпочел путешествие западным берегом Тома по торной дороге из Кузнецка до Томского острога. Иван же Георгиевич, человек молодой и подвижный, невзирая на природную полноту, с радостью согласился на речной поход. Сроку положили на сию кампанию аж до самого Покрова Пресвятой Богородицы¹¹.

В городе Кузнецке наша партия пребывала целых десять дней. Господин Миллер немедля по прибытии отправился к голове, коим здесь поставлен был добрый малый по фамилии Зверев, а по имени-отчеству – Артемий Онуфриевич.

Этот щедрый и отзывчивый человек сам предложил нам постоять в лучшем трактире городка, в отдельных номерах и с прислугой. Так что я, например, даже вспомнил далекий и уже позабытый памятью Санкт-Петербурх и наше квартиранство при университете Академии...

Нас было поначалу всего-то двадцать восемь студюзусов, съехавшихся едва ли не со всей Европы в сей студень, открытый ветрам и морю город, основанный великим царем и императором российским Петром Алексеевичем. Большинство студюзусов не знали русского языка, но паче чаяния профессора наши тоже были из немцев¹², хуже досталось как раз нам, россиянам. Все лекции и прочие занятия проводились на немецком либо голландском языке, посему пришлось приноравливаться к ним. Однако ж вскорости все стало на свои места, и спустя пару месяцев мы уже свободно болтали промеж собой по-немецки.

А заселили нас прямо во флигель университета, потому как здание бурсы стояло до сей поры недостроенным. Флигель был небольшой, и нам пришлось выбирать себе сожителей, ибо селиться требовалось по двое. Тогда-то я и сошелся с Семеном Торопчиным. Мне сразу понравился этот большой, шумный, веселый и румяный парень. Он оказался большим умницей, особенно ему давались языки. Но Семен не кичился своими способностями, напротив, старался не выделяться особо среди соратников по учебной компании.

Сдружились мы с Семеном крепко, вместе увлекались ботаникой и историей. И когда на кафедральном собрании зачитали Указ Ее Императорского Величества Анны Иоанновны о создании научного отряда для Великой Сибирской экспедиции и предложили всем желающим принять в ней участие студюзусам явиться для собеседования лично к господам профессорам Гмелину и Миллеру, мы с Торопчиным лишь переглянулись. Нам обоим пришла в голову одна и та же мысль: вот она, фортуна!

¹¹ Дванадцатый православный праздник, отмечается 1 октября.

¹² Имеется в виду, из иностранцев, поскольку вплоть до XIX века на Руси всех иностранцев независимо от национальности называли «немцами».

Через неделю мы были зачислены в команду господина Гмелина и отряжены в инфантерию Адмиралтейств-коллегии для получения амуниции и прочего довольствия...

Уже на следующий день по прибытии в Кузнецк, я предложил Семену прогуляться по городку, полагая, и не без основания, что в подобной вылазке кроется много полезного для пополнения научного описания Сибирской земли. Торопчин с радостью согласился, мы покинули гостеприимный трактир и вышли на широкую немощеную улицу, залитую еще по-летнему ярким и теплым солнцем.

Настроение наше, и без того приподнятое, тут же улучшилось еще более, так что мы даже рассмеялись. Мы шли посередине улицы и улыбались всем встречным людям, и люди тоже улыбались нам – и было это чудесно!..

Вдвоем мы посетили местный рынок, или, как его тут называли на татарский манер, базар. От российских рынков он отличался мало – такой же шумный, крикливый, в меру бестолковый, в меру вороватый. Торговали здесь в основном в мену, деньги брали охотно лишь русские купцы. Татары предпочитали товар в обмен на товар.

Я уже писал, что городок Кузнецк не зря так назывался. Здесь располагалось множество кузниц, в которых изготовлялось великое множество полезных вещей – от лемехов и кос до сабель и копий. Между кузнями тут и там дымили небольшие плавильные печи. Но металл при всем при том у татар получался прехотличный! Говорили, что виной тому замечательный уголь, коего под местными горами хранится немерено.

В Кузнецкой слободе я приобрел себе прекрасный охотничий нож с костяной рукоятью и легким муаровым рисунком на отполированном лезвии. Приобретя здесь же прочный кожаный чехол, я тут же привесил нож на пояс и ходил весь день, поглаживая то и дело теплую рукоять.

Семен мою покупку одобрил, сам же обзавелся в шорных рядах кожаным кисетом, расшитым красной и синей нитью по местным обычаям.

И вот когда мы уже порядком подустали и намеревались где-нибудь присесть перекусить, за моей спиной вдруг раздался зычный голос:

– Да неужто это Степан Крашенинников?!

Враз обернувшись, я увидел, что к нам, раздвигая толпу могучими плечами, стремительно приближается смутно знакомый мне человек. Но лишь когда он подошел вплотную, я с радостью признал в нем своего двоюродного брата Федора.

– Какими судьбами ты оказался в наших краях? – гудел Федор, обнимая и хлопая меня по спине так, что ребра затрещали.

– Разве ты не слышал о Великой северной экспедиции? – в свою очередь удивился я.

– Слыхал, конечно! В Кузнецке, почитай, месяц тому только и разговоров, что, мол, идет большой отряд ученых людей, самой императрицей отряженных в наш край изучать да описывать. Да ты-то в нем как очутился?

– А мы вот с Семеном помощниками представлены к самому профессору Гмелину Ивану Георгиевичу из Питербурхской Академии, – гордо сообщил я.

– Ну да?! – расхохотался Федор. – Помощники профессора?..

– Ничего смешного в этом я не вижу, сударь, – резко оборвал его Торопчин, гневно сверкая глазами и раздувая ноздри. – И если вам угодно и дальше потешаться над нами, то увольте! Мы вас не знаем!

– Да ладно, Семен, – поспешил вмешаться я, – Федя же это не со зла. Он просто сильно удивлен.

– Точно, братец! Удивлен безмерно, – кивнул Федор и предложил все еще надувшемуся Торопчину: – А давай-ка зайдем вон в тот кабак и выпьем мировую?

Вдвоем мы завели слабо упиравшегося Семена в кабак, оказавшийся на удивление чистым и пристойным. Не в пример питербурхским подобным заведениям. Заказали по чарке хлебного вина и плоску вареного мяса со свеклой и морковью.

За едой и разговорами время пролетело незаметно, и когда я спохватился, мои карманные часы показывали уже пять часов пополудни.

– Извини, брат, – сказал я, – но нам с Семеном еще нужно кое-что прикупить в дорогу.

– А что вы ищите? – поинтересовался Федор.

– Да вот, хотим платье сменить, – пояснил я, – а то жаль кафтаны по лесам да болотам портить. Летом-то просто было: снял верх, да в одних панталонах и рубаше целый день работаешь. А нынче вон сентябрь на носу, ночи совсем холодные идут. Да и днем особого тепла более не будет.

– Да, у нас в Сибири погоды суровые, – кивнул Федор. – Я-то здесь пока наездами бываю, живу-то в Самаре, но могу сказать точно: лучше переоденьтесь-ка вы в местную одежду. Она и удобнее и потеплее будет ваших кафтанов да панталон. Да и на ногах у вас чего?

– Туфли, разумеется...

– Не пойдет! Эх, помощнички, что бы вы без купца Оникеева делали! Пошли!..

Федор отвел нас в одежные ряды и предложил купить у своего знакомого, местного купца-телеута, по паре длинных домотканых рубах с открывающимся воротом, просторных широких штанов-чембаров, а сверху – по походному шабуру¹³, обрезанному выше колен. Потом мы посетили скорняжные ряды и обзавелись добротными одуками¹⁴, подбитыми заячьим мехом и заячьими же круглыми шапками, напоминающими казачьи.

– Вот теперь вы настоящие сибиряки! – радостно похлопал нас Федор по плечам. – Теперь можно и в тайгу идти. Не страшно!.. Хотя я бы поостерегся.

– А в чем дело? – спросил Семен.

– Горит тайга. Нынче совсем мало дождей было, болота повысохли – хоть на телеге катайся.

– Ну, мы-то по воде пойдем, на стругах. Авось не страшно будет.

– Ну, ежели по воде...

Возле трактира мы тепло попрощались с моим братом и отправились докладывать о своих успехах господину Гмелину. Он оценил наши приобретения и распорядился приобрести подобную одежду и обувь остальным членам отряда.

К сожалению, тогда нам больше не довелось повидаться с Федором. Он отбыл с речным караваном на Обь, торговать с кетами и хантами, а мы продолжили готовиться к сплаву по Томе до Томского острога да знакомиться с жизнью местных кузнецких татар.

Но все хорошее, к сожалению, быстро заканчивается. Десять дней покоя, добротной еды и спокойного сна пролетели как ласточки перед грозой. Рано поутру мы погрузились на два струга и отчалили от пристани на простор Томы. Отряд господина Миллера отбыл накануне на пяти подводках и двух колясках...

Еще в Кузнецке наш главный толмач Михаил Яхонтов привел на двор двух коренастых узкоглазых телеутов – Саламата и Торбока, а во Христе – Ивана да Григория. Телеутов определили проводниками. Саламат-Иван отправился с отрядом господина Миллера, а Торбок-Григорий остался с нами. Оба сносно говорили по-русски, но предпочитали помалкивать, пока их не спрашивали.

Наше водное путешествие поначалу развлекало всех. Струги быстро вышли на середину реки, Кузнецк скрылся из виду за поворотом русла, и по обоим берегам подступила первородная вековая тайга. Правда, низкий левый берег до самого окоема покрывал смешанный лес, похожий на обычный среднерусский, где-нибудь под Воронежем или Тулой. Зато правый, крутой и гористый, сплошь зарос огромными елями, пихтами и кедровой сосной, держа в под-

¹³ Шабур – халат из плотной ткани, обычно длинный, но были и короткие. Часто шабуры отделялись вышивкой у ворота, по обшлагам или по подолу (*шор.*).

¹⁴ Одук – мягкий кожаный сапог с длинным голенищем; одуки часто подбивались мехом зайца, лисы или волка (*шор.*).

леске ильмы, рябину и раскидистые талины по-над самой водой. Красота стояла неопишуемая! Бабье лето – в разгаре! Буйство красок – от багряного до бледно-зеленого, от ультрамарина до червонного золота. Немного портили вид изредка попадавшиеся гари. Торбок как-то нехотя подтвердил слова брата Федора, что нынешнее лето было очень жарким, дождей выпало мало и тайга загорелась.

– Она и сейчас горит, – хмуро добавил он.

– Где же? – уточнил я. – Не помешает ли огонь нашему походу?

– Не помешает. Наши камы отогнали айнов и принесли щедрый ясак¹⁵ Тенгри.

– Но лес все равно горит?

– Да... Потому что Тенгри еще спит.

– А что будет, если он проснется?

– Тенгри увидит, что огонь не слушается камов, и сам остановит его.

– Каким же образом? – Я решил не отставать от телеута: уж больно интересная картина мироустройства у этих аборигенов.

– Тенгри управляет и ветром, и дождем, и огнем... – Торбок говорил все более неохотно.

– А что же нужно сделать, чтобы... разбудить Тенгри?

Торбок совсем насупился, потом хмуро бросил:

– Нужно камлание Белого шамана – Ак-куша. И жертва... у священного кедра.

Видя его состояние, я пощадил его чувства и не стал больше расспрашивать, полагая вернуться к разговору позже...

А сегодня, после завтрака на прекрасном песчаном плесе, меня позвал к себе Иван Георгиевич и благодушно спросил:

– Хотел бы ты, Степан, провести собственные изыскания местной флоры? Я давно за тобой наблюдаю, мне нравится, как ты работаешь с гербарием. Думаю, сейчас самое время попробовать собственные силы. А?

Я, признаться, слегка опешил от такого доверия со стороны уважаемого мною ученого, потому не ответил сразу. Но господин Гмелин счел мое молчание за согласие своим словам и продолжил:

– Послезавтра, как только отец Евстафий отслужит заутреню на Воздвижение Креста Господня, вы с Семеном Торопчиным и нашим следопытом... как его... Торбоком?.. Да. Втроем высадитесь... – он извлек из обшлага своего кафтана сложенный втрое лист бумаги и развернул прямо на колене. Это оказался вполне сносный крок¹⁶ окрестностей Кузнецка. Господин Гмелин разгладил его и повел вдоль русла Томи холеным толстым пальцем с отполированным ногтем.

– Вот здесь! – Иван Георгиевич пристукнул пальцем по бумаге. – В устье реки Нижняя Терсь. Отсюда подниметесь на кряж... Сал-ты-шык... майн гот, ну и название!.. Далее пересечете его по меридиану и по вот этой седловине спуститесь в пойму Томи. У впадения в нее ручья Сары-су мы вас будем ждать.

– Какие же изыскания вы возлагаете на нашу экспедицию? – поинтересовался я.

– Любые, каковы сочтете необходимыми и возможными! – И господин Гмелин хитро улыбнулся. – Привыкайте к самостоятельности, студент Крашенинников, у вас весьма светлая голова на плечах!..

¹⁵ Ясак – дань, обязательный налог. Здесь: дар, умиротворяющий духов (*тюрк.*).

¹⁶ Крок – схематическое, часто выполненное «от руки» изображение местности без учета масштаба.

Глава 2

Западная Сибирь. Томск

21 июня 20... года

Я рассудил, что Ракитина нужно ловить на работе с утра, иначе потом его и с собаками не сыскать. Служба такая!

Ровно в девять я уже стоял у подъезда старинного особняка с псевдоколоннами по фасаду, в котором при царе-батюшке располагалось губернское полицейское управление. Эстафета поколений, блин!

В управление криминальной милиции меня пропустили «со скрипом». Дежурил какой-то новенький – здоровенный детинушка с лоснящейся круглой физиономией и лихим русым чубом, торчавшим из-под явно малой на размер фуражки.

– И откуда ж ты такой взялся, сержант? – я покосился на его могучие плечи, обтянутые форменной курткой, будто второй кожей.

Парень хмуро глянул на меня, потом в удостоверение и с вызовом произнес:

– Що ж вы разбалакались, пане журналист? Чи ваш друг здесь робить?¹⁷

– Тю! Да ты никак хохол?! – заорал я на весь первый этаж. – Ну надо же, куда вас самостоятельность на заработки укатала!

Сержант начал медленно наливать багрянцем. Положение спас не кто иной, как сам Ракитин, вошедший в управление в самый драматический момент. Как всегда мгновенно оценив ситуацию, Олег втиснулся между нами, уже начавшими сопеть и скрести пол каблуками, и скомандовал: брэк!

– Ну не можешь ты, Димыч, без приключений! – укоризненно сказал он, подмигивая мне при этом так, чтобы не видел чубатый сержант. – А ты, Степан, не ведись, как последний лох! Видишь же, что тебя провоцируют, – Ракитин строго посмотрел на враз притихшего хохла.

– Привет, Олег, – сказал я, пожимая его крепкую загорелую руку. – Ты всегда вовремя. Что за дуболомов вы принимаете на работу?

Сержант снова громко засопел.

– Прекрати, Котов, не нервируй дежурного! – теперь уже жестко одернул меня Ракитин. – Он, между прочим, при исполнении. Может и физическое замечание сделать – мало не покажется, уверяю!

– Мы тоже кое-что можем!..

– Я сказал, не задирайся!

– Все, молчу. – Я примирительно протянул руку набычившемуся Степану. – Звиняйте, шановный пан, не признал!

Сержант посмотрел на меня, потом на Ракитина и ответил:

– Заметано.

Но руки не подал – обиделся. Я хмыкнул и прошел вслед за Олегом через «вертушку» и рамку металлодетектора. Мы дружно поднялись на второй этаж и вошли в кабинет со скромной табличкой на двери «Капитан О. В. Ракитин, оперативный отдел».

¹⁷ Что это вы разговорились, господин журналист? Может, ваш друг здесь работает? (сурж.)

Олег включил электрочайник, стоявший на своем законном месте – на подоконнике, и уселся в новенькое, скрипнувшее кожей кресло. Я же оседлал свой любимый стул возле шкафа.

– Ну, выкладывай, с чем пришел? – Олег достал сигареты и принялся хлопать себя по карманам в поисках зажигалки.

Я тоже вытащил дежурную пачку своих любимых «Монте-Карло», прикурил и переброшил зажигалку Ракитину. Вообще-то я курю мало, можно сказать, от случая к случаю. Но с точки зрения медицины, из двух зол надо всегда выбирать меньшее. То есть, если в комнате кто-то курит, лучше закурить самому, чем стать пассивным курильщиком.

Сделав пару затяжек, я сказал:

– Ты даже не представляешь, Олежек, кто перед тобой сидит!

– Мой школьный друг, отличный врач, бабник, трепло и драчун, – не моргнув глазом, начал загибать пальцы Ракитин.

– Вы мне льстите, капитан!

– Помилуйте, доктор, и в мыслях не держал!

– Ладно, так и быть. Раскрою тайну. Я – клон Джеймса Бонда... э-э, Шерлока Холмса!

– Может быть, миссис Марпл?.. – голосом киноprovокатора спросил Олег.

– Не смешно. – Я сделал каменное лицо. – Короче, я с сегодняшнего дня – репортер отдела новостей «Городского вестника»...

– Эх тебя, болезного, расколбасило!

– ...и у меня задание: написать материал по вчерашнему ограблению краеведческого музея.

– Ну и пиши, – Ракитин пожал плечами. – Я-то здесь причем?

– Ну, ты же занимаешься этим делом?

– Нет. *Кражей* из музея занимается старший лейтенант Еремин. А я все больше по мордобойчикам, по пистолетикам, по трупикам...

– А если я тебе скажу, что в связи с этой кражей исчез человек?

– Тот, который украл?

– Необязательно. Может быть, он как раз хотел помешать преступлению или стал невольным свидетелем, вот его и... списали?

– Так уж сразу!.. Погоди, а ты кого имеешь в виду? – Ракитин затушил наконец окуроч и подобрался.

– Ну вот, теперь я вижу, что разговариваю с сыщиком! – Я тоже загасил недокурочную сигарету. В горшке с кактусом.

Собственно, могучее колючее растение, видимо, давно мутировало, поскольку росло и питалось исключительно на отходах табачной промышленности. «Бычки» плотным слоем покрывали все пространство горшка.

– Колись, Димыч, зачтется, – добрым голосом сказал Олег.

– Ага. Так вот я имею в виду сотрудника музея Антона Урманова, который, по заявлению директора, не вышел сегодня на работу, а телефон его молчит.

– Ну и что? Уехал куда-нибудь...

– По отзыву все того же директора, Урманов очень дисциплинированный работник и не мог никуда уехать без предупреждения.

Ракитин с задумчивым видом достал новую сигарету и принялся ее разминать будто папиросу.

– А не пропустить ли нам по чашечке чайку? – громко предложил я.

– Что?.. А, согласен. – Олег спрятал измусоленную сигарету обратно в пачку. – Я бы и позавтракать не отказался.

– Тогда одного чая мало. Пошли в кафешку.

Мы вышли на улицу и сразу почувствовали, что лето вступило в свои права. Июньская жара уже полностью завладела городом. Лужи от поливальных машин исчезли, пахло разогретой травой и тополиной смолой. Публика норовила передвигаться в тени деревьев, и даже собаки попрятались под кусты боярышника и сирени.

Маленькое кафе с романтическим названием «Приют пешехода» располагалось прямо на перекрестке Тополиного бульвара и улицы Студенческой – весьма бойком месте. По случаю теплой погоды владелец кафе организовал дополнительную открытую веранду под зонтиками прямо на бульваре. Такое удобное место было немедленно облюбовано публикой, и, несмотря на ранний час, почти все столики были уже заняты.

Однако Ракитин, видимо, считался здесь завсегдаем. Едва мы вошли на веранду, к нам подскочила миловидная шустрая девчушка в белом передничке и с двумя задорными рыжими хвостиками за ушами.

– Товарищ капитан, доброе утро! – лукаво улыбнулась она. – Что желаете?

– Привет, Аленушка, – Олег по-отечески потрепал девчушку по румяной щечке. – Нам с товарищем, – кивок в мою сторону, – надо поговорить. И позавтракать.

– Могу предложить салат «Сибирский» и окрошку по-купечески...

– Годится.

Аленка провела нас в дальний угол веранды, где столик стоял прямо под большим ильмом, и зонтика над ним не было.

– Ну-с, продолжим, Холмс! – Ракитин хотел было закурить, но передумал и взялся за дежурный стакан с минералкой.

– Хотите услышать мою версию, инспектор? – Я тоже отхлебнул из другого стакана.

– У вас уже есть версия?

– А то!

– Ладно, излагай.

Я решил опробовать на Олеге ту же, что излагал Марии. Правда, с поправкой.

– Этим ребятам, видимо, позарез нужно обуздать свое божество, вот они и решились на кражу.

– Не кражу, Димыч, ограбление, – поправил меня Ракитин, смакуя минералку.

Вода и впрямь была хороша. Холодная, почти без газа, зато с чудесным привкусом хвои и лимона одновременно. И никаких ароматизаторов, господа! Минеральная вода «Чажемто» – уникальный природный дар сибирской тайги, обнаруженный лет тридцать назад нашими геологами. Причем совершенно случайно. Так часто бывает: искали газ – нашли воду.

– А какая разница? – заинтересовался я.

– Кража – есть тайное хищение имущества, свидетелей такого преступления обычно не бывает, улики и следов очень мало. Ограбление же, напротив, действие дерзкое, сопряженное с угрозой насилия, применением технических средств, порчей имущества.

– Исчерпывающее объяснение! – честно сказал я. – Но тогда в музее была совершена именно кража...

– Нет, именно ограбление. – Олег поставил на стол пустой стакан. – Смотри: замки дверей вскрыты отмычкой, сигнализация отключена – правда, непонятно каким способом, сторож усыплен...

– Погоди, какой сторож? – напрягся я. – Петр Силантьевич, что ли?

– Ага, познакомился уже, – кивнул Ракитин.

Он замолчал, потому что появилась рыжая Аленка с полным подносом снеди. Она ловко расставила тарелки и блюда, разложила приборы и сделала легкий книксен:

– Приятного аппетита, господа!

Олег снова широко улыбнулся девушке и даже, мне показалось, подмигнул. На всякий случай я плюнул через левое плечо: рыжая ведьмочка явно нравилась Ракитину, но потерять друга в расцвете лет...

– Так вот, – продолжил как ни в чем не бывало Олег, – вижу, что имел счастье общаться с этим скользким типом.

– Почему ты о нем говоришь в таком тоне? По-моему, милый активный старичок, радующий за справедливость.

– Ага, милый и активный, – скривился Ракитин, принимаясь за салат. – Этот Шишкин, между прочим, имеет две ходки. И обе – за кражи ценных предметов культуры!

– Ничего себе! То-то он твоих оперов «сыскарями» в разговоре обозвал.

– Еще мягко сказал...

– А мне он про то, что его усыпили, не сообщил.

– Нам тоже. Просто эксперт у нас дотошный, все проверяет. Он и взял остатки чая на анализ из кружки этого... сторожа.

– И?..

– Опиум.

– Да ладно тебе! – Я даже есть перестал, хотя салат оказался на редкость вкусным, с грибами и куриным мясом. – Ты хоть пробовал эту дрянь на вкус?

– Нет, а что?

– Да твой Шишкин сразу бы понял, что в чай что-то подмешано! Жуткое дерьмо.

– Ну, тогда одно из двух, – невозмутимость Олега порой меня поражала, – либо дед в сговоре с похитителем, либо наркоман. Впрочем, первое не исключает второго.

– Есть еще третье. Если он пил не чай, а какой-то напиток, достаточно душистый и имеющий собственный резкий вкус.

– В яблочко, Холмс! – Ракитин отодвинул пустую салатницу и взялся за окрошку. – Чай у Петра Силантьевича был травяной. Эксперт говорит, больше двадцати компонентов. Видать, бережет здоровье, старый хрыч!

– Сложный дед, – согласился я, тоже приступая к окрошке. – Мне умолчал про снотворное, вам – что видел грабителя.

– Как это, видел?!

– Обыкновенно. Вернее, он заподозрил этого парня в причастности к ограблению. Даже описал его довольно подробно.

– Придется деда брать в оборот, – посуровел Ракитин.

– Вернемся же к моей версии...

– Не вернемся, Димыч. Твое предположение слишком запутанно и отдает мистикой, а с пережитками мы боремся.

– Ну а у тебя-то есть версия? – Я был крайне уязвлен, потому что чувствовал нутром, что прав. В отличие от своего до мозга костей реалистичного друга, я-то как раз был склонен к мистическому мировосприятию. По крайней мере, я твердо верил, что случайных событий не бывает, как и случайных мыслей. Причина есть у всего, значит и следствие – тоже!

– Есть, конечно, – ухмыльнулся Олег. – Это заказное ограбление.

– И ты уже знаешь заказчика? – съязвил я.

– Предполагаю. Дело в том, дорогой Холмс, что в настоящее время в нашем славном старинном городе гостит господин Ульрих Крюгер. Герр Крюгер – профессор из Дрезденского университета, большой знаток древних культур Востока и особенно Сибири!

– Вот тебе, бабушка, и юрки в дверь! – Я оставил пустую тарелку. – Так нечестно, инспектор. Информация должна быть доступной нам обоим. И что же делает здесь профессор из Дрездена?

– Читает курс лекций в нашем университете. И как раз по культуре народов Сибири.

– Неужели он настолько глуп, чтобы находиться рядом в момент совершения преступления, в организации которого его могут заподозрить в первую очередь? – спросил я с нескрываемым сарказмом.

Но Олега так просто не собьешь.

– Наоборот, он дьявольски умен. Европейское светило, уважаемый ученый, приехал по приглашению ректора – не сам! Алиби стопроцентное.

– Но за ним же можно проследить и подловить в момент передачи...

– Конечно. Именно поэтому никакой передачи и не будет. Даже звонков по телефону. А зачем? Его помощник – уверен, такой существует, но находится вне нашего поля зрения – заранее обговорил способ передачи заказа и вывоза его из региона.

– Значит, еще и помощник.

– Естественно, Холмс! Этому виду преступлений не один век. Все давно отработано и выверено!

– Как же вы ловите этих «расхитителей гробниц», инспектор?

– О, уверяю вас, это преинтереснейшее занятие!

– Но подозреваемый на роль помощника, думаю, уже имеется?

– Конечно. Это тот самый, внезапно пропавший сотрудник музея.

– Урманов?

– А почему тебя это удивляет? – Ракитин наконец вытащил сигареты и закурил.

– Дисциплинированный, исполнительный, влюбленный...

– В кого?

– В свою начальницу – директора музея. – Я тоже закурил, хотя и без особой охоты.

– Ну, когда предлагают много денег, про любовь как-то сразу забывается...

– Не факт, инспектор, не факт!

– Слушай, Димыч, почему бы тебе не провести собственное, так сказать журналистское расследование. Параллельное с официальным. Обещаю информационную поддержку, в обмен естественно.

– Что, рук не хватает?

– В нашем деле лишних рук, а еще больше мозгов, не бывает, Холмс! – Олег назидательно поднял палец.

– Так и быть, инспектор, – снисходительно кивнул я, – согласен оказать вам эту маленькую услугу. Только уж и вы, будьте любезны, прислушайтесь к моему мнению, ибо интуиция в сочетании с дедукцией – вещь воистину непогрешимая!

– Договорились! – ухмыльнулся Ракитин и, обернувшись, поманил рыжую Аленку.

– А в качестве аванса, – продолжил я, – предлагаю посетить квартиру пропавшего Урманова.

– И что мы там будем искать?

– Доказательства, инспектор, неопровержимые улики!

– Хорошо. Но только после обеда. У меня еще куча дел.

Подбежавшая Аленка быстро рассчитала нас, и вдруг Олег нежно и решительно взял ее маленькую ладонь и коснулся губами вздрогнувших пальчиков.

– Спасибо за вкусный завтрак, Аленушка!

Девчонка зарделась как маковый цвет, но руку не отняла, пролепетала:

– Заходите, Олег Владимирович, всегда рады будем...

– Гхм! – громко сказал я и поднялся. – Жду вашего звонка, капитан. Спасибо за угощение. – И пошел к выходу не оглядываясь.

«Вот это фортель! А у них, оказывается, вон как далеко зашло! Да-а, брат, похоже, скоро ты один в холостяках останешься...» – Дурацкие мысли крутились в голове, как мошकारа перед

дождем. А где-то в глубине души я был рад за Олега, и девчонка его мне понравилась – правильная она, хорошая. Такая не предаст, не отвернется в трудный момент, не бросит...

Поскольку определенного плана у меня не было, я решил просто пошатаваться по городу в ожидании звонка Ракитина, и отправился по бульвару в сторону университета.

Университетская роща встретила меня умиротворяющим шелестом разомлевшей листвы и пустынными аллеями. Конечно, сейчас июнь – пора экзаменов, студенты грызут булжники наук, абитуриентов тоже еще нет, и по тенистым дорожкам гуляют лишь мамы с колясками да немногочисленные сотрудники, вышедшие размяться из своих лабораторий.

Я пошел по главной аллее мимо стройных голубых елей, почетным караулом выстроившихся по обеим сторонам широкой дорожки, выложенной разноцветной каменной плиткой. И вскоре передо мной открылся центральный вход, над которым золотом сияли на солнце буквы «УНИВЕРСИТЕТ» и, чуть ниже, «основан в 1880 году». Слева от распахнутых тяжелых деревянных дверей с бронзовыми ручками стоял вполне современный щит с кучей разнокалиберных рекламных постеров и объявлений. Я остановился, рассеянно пробега глазами тексты, и вдруг уперся в скромный листок, отпечатанный на цветном принтере:

«16–26 июня в малом лекционном зале профессор истории Ульрих Крюгер читает курс лекций „Мировоззрения коренных народов Сибири дохристианской эпохи“. Ежедневно с 12 до 15 часов. Вход бесплатный».

Я посмотрел на часы – 12:15. Вполне еще можно сходить и убить сразу двух зайцев: послушать интересную лекцию и посмотреть на главного подозреваемого.

Справившись у сонного вахтера, где находится малый лекционный зал, я прошел длинным гулким коридором в правое крыло главного корпуса и потянул на себя высоченную, не меньше четырех метров, дверь. К счастью, петли были хорошо смазаны, и мое появление в аудитории прошло почти незамеченным. Единственным, кто обратил на меня внимание, был молодой человек, стоявший возле нижней ступеньки амфитеатра. Он молча поманил меня рукой и указал на третий ряд. Я на цыпочках пробрался на место и уселся рядом с какой-то худенькой девицей в футболке и джинсах и с огромными очками на курносом носике. Девчонка сосредоточенно строчила карандашом в толстой тетради. Я тоже вытащил блокнот и принял заинтересованный вид.

Профессор Крюгер выглядел типичным бюргером: белобрысый, с одутловатым щекастым лицом и заметно выпирающим пивным брюшком. Одет он был тоже не по-профессорски – светлые летние брюки и рубашка-апаш навывпуск, открывающая заросшую седым волосом грудь. Слегка выпуклые светлые глаза цепко следили за аудиторией. Но говорил профессор на очень приличном русском языке и почти без акцента.

– На прошлых лекциях мы говорили о системе мировосприятия древних народов, населявших пойму рек Оби и Иртыша. Сегодня же мы обратимся к воззрениям горных племен, живших южнее, в горах Кузнецкого Алатау и Бийского хребта. Речь пойдет о шорцах, хакасах, телеутах, кумандинцах и прочих. Собственно, есть мнение, что все эти народы – суть, один большой этнос. Эта гипотеза подтверждается и анализом космогонических представлений перечисленных народов...

Я потихоньку разглядывал присутствующих. Всего на лекцию пришли человек пятьдесят. В основном, похоже, сотрудники университета, аспиранты и просто случайные, как я, люди. Студентов, понятно, почти не было. Не считая моей соседки, еще пять-шесть особо любознательных. Но слушали внимательно, почти все что-то записывали.

– ... таким образом, картина мира в представлениях аборигенов Сибири выглядела примерно так, – профессор притушил свет в зале и включил проектор. На экране позади него вспыхнул цветной слайд. – Мир разделяется на три основные части, – продолжал немец хорошо

поставленным голосом, – Верхний, Средний и Нижний. Верхний мир – обиталище богов, в Среднем мире живут люди и звери, а в Нижнем мире – души умерших...

Я с интересом разглядывал слайд, на котором была изображена сфера, разделенная внутри на три горизонтальных сектора. Судя по всему, рисовал не профессор – это был снимок какого-то очень старого рисунка, может быть даже наскального. Сфера живо вызвала ассоциацию с космическим кораблем в разрезе. Наверху, в «кабине управления», сидели пилоты – странные существа, непохожие друг на друга. Среди них выделялся один – многорукий и многоглазый, сидевший на чем-то, напоминающем кресло самолета. Ниже его по обеим сторонам стояли и сидели еще несколько не менее жутких существ...

– ...сферу мира создал Ульген, – пояснял профессор, пользуясь электронной указкой, и ткнул ею в многорукого. – Он сотворил свет, землю и все живое, то есть Верхний и Срединный миры. Потом ему стало скучно и Ульген удалился от дел, создав девять Небес, и поселился на самом дальнем. Но у него был брат Эрлик. Ему тоже захотелось что-нибудь сотворить, и Ульген разрешил ему создать Нижний мир и населить его душами умерших, причем не только людей!..

Я слушал, если честно, в пол-уха – так глубоко в древность моя любознательность не распространялась. Но на всякий случай тщательно зарисовал божественную пирамиду, изображенную на слайде, и подписывал имена существ по мере ознакомления. Гораздо больше меня заинтересовала соседка по парте. Она строчила в тетради как пишущая машинка, успевая поглядывать на кафедру, и тоже рисовала древних духов и богов, только по отдельности: справа фигурка, слева ее описание. Даже кончик языка высунула от усердия!

Я не удержался и нарисовал на листке тощую кошку в очках и с высунутым язычком.

– ...управление делами Среднего мира, чтобы навести там порядок и наказать недостойных. Верховным богом Среднего мира Ульген назначил Тенгри, повелителя стихий – грома, молнии, дождя и ветра. – Услышав знакомое имя, я наострил уши, подсунув листок с рисунком под тетрадь девчонки. Но она этого даже не заметила. – Тенгри оказался весьма суровым повелителем, – продолжал вещать профессор, а на экране появилось изображение статуи грозного божества: мощная длиннорукая фигура с грубым, оскаленным лицом и большим треугольным глазом во лбу помимо двух обычных. – Он наслал на поселения людей громы и молнии, от которых загорелись деревья и селения. А когда люди взмолились о пощаде, Тенгри послал ветер и дождь, погасившие огонь, но затопившие землю. Тогда люди снова обратились к повелителю с молитвой о прощении, и великий бог смилостивился, вернулся к себе на Небо. Но с той поры изредка он посылает своих преданных слуг проверить, не нарушают ли люди своей клятвы. Раз в сто лет Огненный Коршун облетает землю и отмечает пылающим оком провинившихся, а затем Небесный Пес приходит к ним и разрывает сердце, выпуская душу. Но Эрлик не берет такие души к себе, в Нижний мир, и они обречены скитаться среди живых, пока кто-нибудь не споет Прощальную песню, снимающую вину с души наказанного...

Теперь я боялся пропустить хоть слово. Профессор говорил очень интересные вещи, и я чувствовал, что эти сведения помогут мне решить загадку ограбления музея.

– Хочу отметить, что многие из этих интереснейших сведений были добыты в свое время вашими соотечественниками, учеными из Петербургской императорской академии наук, участниками Великой сибирской экспедиции под руководством знаменитого путешественника и мореплавателя Витуса Беринга. Этот незаурядный человек, не имевший какого-либо специального образования, но обладавший исключительными энергией и организаторскими способностями, совершил гигантский вклад в развитие русской географической науки!..

В этот момент в кармане у меня завибрировал мобильник. На экранчике высветился номер Олега, и я понял, что на сегодня самообразование мое закончилось, как это ни печально. Пришлось срочно выбираться из аудитории в коридор.

– Ты готов? – сухо поинтересовался Ракитин.

- Да...
- Почему трубку не брал?
- Лекцию слушал!
- Ух ты! – в его голосе прорезались знакомые смешливые нотки. – И чью же? О чем?
- Профессора Крюгера, о древних сибирских богах.
- Ну, Димыч, удивил! Потом расскажешь. Я буду у въезда в Рошу через пять минут.

Олег припарковался возле троллейбусной остановки ровно через пять минут. Это всегда было его отличительной чертой – пунктуальность во всем. Наверное, из-за нее он и не женился до сих пор. Какая же женщина сможет вытерпеть такое занудство? Разве что рыжая Алленка?..

Я стоял у газетного киоска под старым тополем и ел мороженое. Оставалось еще полпорции, и я не собирался отказываться от минутного удовольствия. Ничего с капитаном не случится – подождет. Ворчать, конечно, будет – ну, да шут с ним!

Ракитин выдержал ровно тридцать секунд. Из-за киоска мне хорошо было видно, как он, заглушив двигатель своей выдавшей вида служебной «ауди», открыл дверцу и встал в полный рост, оглядывая остановку и окрестности. На всякий случай я отступил подальше в тень. Если честно, я пока еще не продумал сценарий своего появления. Но на мое счастье подкатил троллейбус и перекрыл Олегу сектор обзора буквально на полминуты. Этого мне хватило, чтобы заглотать остатки эскимо и встать перед витриной киоска как ни в чем не бывало.

Троллейбус отъехал, и Ракитин узрел злого нарушителя своих планов, мирно разглядывающего пестрые обложки журналов. «Сейчас свистнет», – просчитал я. Сзади раздался захватский разбойничий посвист. Я оглянулся и сделал удивленное лицо.

- Олежек, ты прямо метеор!
- Не морочь мне голову! – грозно рыкнул он. – Где прятался? За киоском?
- Что ты! Разве от тебя спрячешься? Стою, картинки рассматриваю, слышу – свистит кто-то...

– Месье Котофф не делайте мне нервы! Поехали!

Когда капитан криминальной милиции начинает разговаривать как одесский еврей, лучше с ним не спорить. Я уселся на заднее сиденье и барским тоном бросил:

– Улица Северных ветров, дом двадцать один, квартира сорок семь, второй этаж, второй подъезд.

Ракитин только крякнул и втопил педаль акселератора.

Все-таки хорошо быть милиционером: можно хотя бы иногда совершенно безнаказанно нарушать правила, не опасаясь, что тебя остановят и начнут ездить по ушам на тему безопасности дорожного движения. Машину Олега, по всей видимости, гаишники очень хорошо знали, или же думали, что так нагло ездить может только их собрат по мундиру. Во всяком случае, домчались мы до адреса за каких-то двадцать минут. Феноменальный результат, если учесть дневной час пик, пробки на проспекте и кучу светофоров.

– Да вы – Бэтмен, капитан! – сделав круглые глаза, заявил я.

– Карлсон, месье, всего лишь Карлсон, – осклабился Олег.

Квартира Урманова располагалась в старой панельной пятиэтажке эпохи застоя – обшарпанной, унылой и какой-то усохшей, что ли? Двери подъезда были распахнуты настежь, а вместо электронного замка в створке зияла приличная дыра. Стены подъезда, давно не крашенные, имели своеобразный, даже привлекательный вид – они были сверху донизу расписаны граффити. Местами вовсе не бесталанно. А поскольку окна в подъезде давно были выбиты, ничто не мешало солнечному свету озарять этот стихийный вернисаж. Я даже залюбовался, но прагматик Ракитин не дал мне получить эстетическое удовольствие.

- Я бы этих «мазюликов» – на пятнадцать суток с принудительной трудотерапией...
- Это искусство, Олежек, чтоб ты знал!
- Вандализм. В лучшем случае!..

– Это от предков, капитан. Эстафета поколений: наскальные рисунки – фрески – панно – граффити.

– Питекантропы космического века!

– *Pourquoi pas?*¹⁸ Кто-то ведь должен напоминать, как все было?

Мы остановились перед дверью квартиры 47, обитой потертым коричневым дерматином. Кнопка звонка свободно болталась на электропроводе. Ракитин аккуратно придержал ее и нажал. Очень тихо и одиноко за дверью пискнула короткая трель. И все. Никакого движения, ни малейшего шума внутри.

– Что будем делать? – задал я резонный вопрос.

– Входить.

Признаться, такой ответ из уст представителя закона меня обескуражил.

– Ты же это не всерьез, Олежек? У тебя ведь нет ордера!

– Забыл выписать. Извини. – Он примерился и одним точным ударом ноги выбил хлипкий замок. – Запиши: при осмотре входной двери выявлены следы грубого взлома.

– Надеюсь, стрелять ты не будешь? – Я заглянул в квартиру через его плечо. – По-моему, никого нет дома...

– По-моему, тоже.

Мы прошли крохотную прихожую и очутились в единственной комнате, достаточно большой, но жутко захламленной.

– Что-то непохоже это на жилище ученого, – пробормотал я, озирая царивший кавардак.

– Это похоже на обыск, – спокойно сказал Ракитин, перешагивая через валявшийся у порога раскрытый чемодан. – Причем неумелый, – резюмировал он.

Я же уставился на чемодан. Он был совершенно новый, даже ярлычок на ручке сохранился. И он был совершенно пуст, если не считать одинокого носового платка, торчавшего из внутреннего кармашка на крышке.

– Как, по-твоему, Олежек, если человек собрался уезжать и купил по такому случаю чемодан, насколько вероятно то, что он уедет без обновы?

– Его могли попросить не брать чемодан. Очень попросить...

– Значит, ты считаешь, что на квартиру был совершен налет?

– Нет, твой Урманов просто искал любимую запонку! – Ракитин подошел к распахнутому секретеру и принялся быстро перебирать немногочисленные рассыпанные бумажки.

– Но это же очевидно! – воодушевился я. – Урманов каким-то образом узнал о готовящемся ограблении, может даже преступники обратились к нему с просьбой поспособствовать за мзду изъятию раритетов. Но как истинный ученый Антон Урманов отверг гнусное предложение и решил спасти ценные реликвии, унес их домой. Злодеи явились в музей, усыпили сторожа, отключили сигнализацию, пробрались в зал... А предметы-то тью-тью! Исчезли! Тогда они вспоминают об Урманове...

– Браво, Холмс! – хищно улыбнулся Олег. – Похоже, все так и было. Только Урманов ни от чего не отказывался! Он действительно сам совершил ограбление, принес реликвии домой, и вот здесь-то и случилась накладка. Ценностями заинтересовалась еще одна преступная группа. Они выследили Урманова и решили украсть похищенное. Выманив под каким-то предлогом Урманова из дома, они явились в квартиру и устроили быстрый и торопливый обыск, увенчавшийся успехом...

– Куда же тогда, по-вашему, делся сам Урманов, а, инспектор? – подначил я бравого сыщика.

– Либо скрывается – что вероятно, либо... его уже нет в живых.

– Ну, это вы хватили, инспектор Лестрейд!

¹⁸ Почему бы нет? (*фр.*)

– Отнюдь, мистер Холмс, отнюдь! Там, где пахнет большими деньгами, всегда ходит смерть. Уж поверьте моему опыту.

Ракитин быстро прошел мимо меня на кухню. Я же снова посмотрел на чемодан.

– Нет, Олежек, Урманов очень куда-то торопился, – громко сказал я. – Он действительно хотел уехать, но потом что-то резко ускорило его планы или вовсе сломало их, и он кинулся в путь буквально опрометью.

– А вот иди сюда, – позвал Ракитин, – и посмотри, как твой борец за культурное наследие торопился!

В маленькой кухоньке в углу притулился складной столик. На нем стояла сковородка с засохшей недоеденной яичницей, вскрытый пакет кефира и *две*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.